

К Р О К О Д И Л

№ 12

К 556

МОСКВА, АПРЕЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

1934

13 СКВОЗЬ ВОЛНИСТЫЕ СТЕКЛА ТРАМВАЯ...

Рис. К. Ротова

Сквозь стекла трамвая пассажир плохо видит улицу, но хорошо видит, что качество стекляных изделий ниже всякой критики.

Нельзя рекламировать автоматический пистолет таким способом:

— Чудесная вещь! Легка, изящна. В дороге заменяет молоток, дома — щипцы для орехов. Жаль только, что не стреляет. Но, может быть, впоследствии приучится.

Бесхитрый Музтрест, наоборот, — за такую рекламу. У одного из его директоров т. Агапова спросили:

— Ну, как у вас насчет инструментов?

— Щипковых? — осторожно осведомился т. Агапов.

— Именно.

— Ну, как же, как же. Намечается. Так сказать, перелом, Сдвиг, если хотите. «В последнее время неузнаваемо улучшилось качество щипковых инструментов, выпускаемых Музтрестом» («Красная газета», 17/IV).

Казалось бы, жить да радоваться после таких золотых, обнадеживающих слов. Наконец-то зазвонит гитара в руках молодого трудящегося, и запоет мандолина в уютной угловой комнате солидного ответственного с/емщика.

Оказывается, рано еще полагаться на музтрестовские гитары и мандолины.

— Есть, правда, — грустно добавил т. Агапов, — «некоторые акустические недостатки инструмента. Не всякое сложное музыкальное произведение можно на нем сыграть».

Так. Повидимому, это означает, что в музтрестовском магазине гитару, например, надо выбирать с оглядкой.

— Покажите-ка вот эту...

— Рекомендую. Гитара последней выработки. Прошу обратить внимание на лак и форму. Типичная гитара в свежеекрашенном виде. Даже со струнами. Чем изволите играть?

— Как, чем? Преимущественно пальцами.

— Для всех пальцев эта не подойдет. Рекомендую играть одним. Указательным.

— Как же я Бетховена, например, одним пальцем играть буду? Не писал Бетховен для одного пальца.

— Для Бетховена рекомендую остановиться на трубе. Обратите внимание на форму и никелировку. Типичная труба для члена профсоюза. А гитара наша к Бетховену не подходит. Изготовлена для несложных композиционных построений, оптимистической зарядки. «Чижика», скажем, или «Чай пиаа, самоварничала». Щипковый инструмент, — что с него спросишь.

Озадаченный покупатель грустно начинает приглядываться к пианино.

— Может, вот на нем играть можно?

— Ну, как же, как же, — цитирует продавец золотые слова т. Агапова, — «пианино последнего выпуска, отвечает всем требованиям музыканта-профессионала».

— Неужели отвечает? — удивляется покупатель.

— Как же, как же, — уже несколько пониженным тоном продолжает цитировать продавец, — только вот «из-за отсутствия слоновой кости приходится ставить темные целлулоидные клавиши, фильцы на пианино непрочны вследствие низкого качества сукна».

И грустно становится покупателю. Знает он, что у нас нет слонов в природном роде, но есть пластические белые массы для клавиш. Не знает он, что такое фильцы, но понимает, что можно для них достать хорошее сукно. И не хочется ему пугаться в цветных клавишах, не хочется ему играть на сукне низкого качества и «Чижика» на мандолине, и кисло ему становится от золотых слов т. Агапова.

— «Особенно у нас хороши мужские гитары, чего нельзя сказать о дамских, неудовлетворительных по звуку».

Ему инструмент для звука нужен, а не для верховой езды. Иначе бы он пошел и купил себе хорошее прочное седло и перестал бы обижаться на Музтрест.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

С Михаилом Евграфовичем Салтыковым-Щедриным я беседовал сегодня утром.

По всем правилам романтических поэм с того света приходят после полуночи. Но Михаил Евграфович не призрак. Он современный писатель, он живет и похаживает вокруг меня, желчно усмехаясь и потирая руки, говорит мне, заглядывая в газетный лист:

— Голубчик вы мой, кого читаете?.. Бутузова? «Современное искусство, или искусство современности». Вот оно, «благопотребное сквернословие». В оное время я писал о некоем Алексисе... Жив, наверное, бедняга. Трудится где-нибудь в «Литературном вертограде» или «Всесветном искусстве»...

— Что же, собственно, у вас о нем сказано, Михаил Евграфович?

— А вы возьмите томик с полки, перелистайте там, где закладка. Читайте:

«— Эстетическое чувство, — сказал он, собравшись с мыслями, — есть то чувство, которым в высшей степени обладает художник.

— Что такое художник? — столь же отрывисто спросил кандидат философии.

Алексис снова задумался.

— Художник, — сказал он, в последний раз собравшись с мыслями, — есть тот смертный, который в высшей степени обладает эстетическим чувством».

— Да ведь это болтовня! — сказал я в сердцах и отложил газету.

— Точно. «Благопотребное сквернословие»... Газету бросьте, а книгу пока не бросайте. Да... Бутузов. А ведь профессор. Слыхали его, небось? Ну, на диспуте о языке?

— Зачем о языке, — возразил я, — мало я его слышал? Пустословие. Болтовня. Как это у вас в «Помпадурках и помпадуршах»?

«Он словно не говорил, а гудел; гудел изобильно, плавно и мерно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона, гудел неустанно и час и два, смотря по тому, сколько понадобилось времени, чтобы очаровать, — гудел самоуверенно и, так сказать, резонно, с видом человека, который до тонкости понимает, о чем он гудит...»

— А ведь верно, — сказал я, — святая истина, иной раз слушаешь...

Но Михаил Евграфович остановил меня движением руки и продолжал:

«...Слушатель с течением времени впадал как бы в магнетический сон и начинал ощущать признаки расслабления, сопровождаемого одновременным поражением всех умственных способностей. Снилось ему, что он куда-то плывет, что его что-то поднимает, что впереди его мелькает свет — не свет, а какое-то тайное приятство, которое потому именно и хорошо, что оно тайное, и что его следует прямо вкушать, а не анализировать».

— А ведь вы и психолог, Михаил Евграфович. Как вы описали состояние слушателя. Ведь иной заведет волынку и не то, чтобы на час, на два. Три часа дерзает, окающий... — и тут я бросил газету, занимающуюся эстетическими чувствами, и, взяв другую, углубился в чтение телеграмм.

Михаил Евграфович похаживал по комнате, заложив руки за спину.

— Читали вы господина Геббельса, — сказала я, — хорошо поет, собака, убедительно поет. Особенно о прошлом. «Старый Гейдельберг», рапиры, студенческие дуэлы, пивные кружки и все с ци-

татами из Гете и Шиллера. Вот иной раз подумаешь, как человек чувствует прошлое, отошедшее, милую старину...

— Ташкентец.

— Что?

— Ташкентец, говорю. Были у нас некие господа ташкентцы. «Те, которые думают, что это только люди, желающие воспользоваться прогонными деньгами в Ташкент, ошибаются самым грубым образом... Как термин отвлеченный Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гонящем...» Милая старина! Налетит такой брядающий ташкентец, вспомнит старину, милое прошлое, лирические такие воспоминания, и происходит, в иной правда форме, такой диалог:

«— Трезорка жив?

— Точно так, ваше благородие.

— И Полканка жив?

— Жив, ваше благородие.

— Как бы, братец, их на кошку науськать...»

Мы помолчали. Один шелест газет нарушал тишину. И опять я нарушил молчание:

— «Автаркия»... Мудренное слово. Читайте я, Михаил Евграфович, в английских журналах об экономике. Выдержки из «Аналита». Читайте... Есть еще такой журнал «Стэтсман». Высказываются тоже сенаторы, экономисты, министры...

— И что же?

— Темно, Михаил Евграфович.

— Потому что не то читаете и не так читаете, милый человек. Иудушка Головлев, святая душа, в свое время здраво понимал буржуазную экономику. Напомню:

«... он только что начал очень сложное вычисление, на какую сумму он может продать в год молока, ежели все коровы в округе примрут, а у него одного, с божьей помощью, не только останутся невредимы, но даже будут давать молока против прежнего вдвое».

— Схоже с действительностью, однако...

— Погодите. Слушайте дальше:

«... он думает о том, что вдруг будущим летом во всех окрестных имениях засуха, а у него одного все дожди, все дожди; что окрестные крестьяне не соберут и на семена, а он все сам-десять, все сам-десять... Он думает о том, что в Москве сгорело все сено, сгорели все дрова и неизвестно куда девался весь хлеб, что у него напротив того, вследствие собственной благоразумной экономии, а также вследствие различных поощрений природы всего этого накопилось множество, что он возит и продает, возит и продает... Он думает о том, что вышло повеление ни у кого ничего не покупать, кроме как у него, Сидорова...»

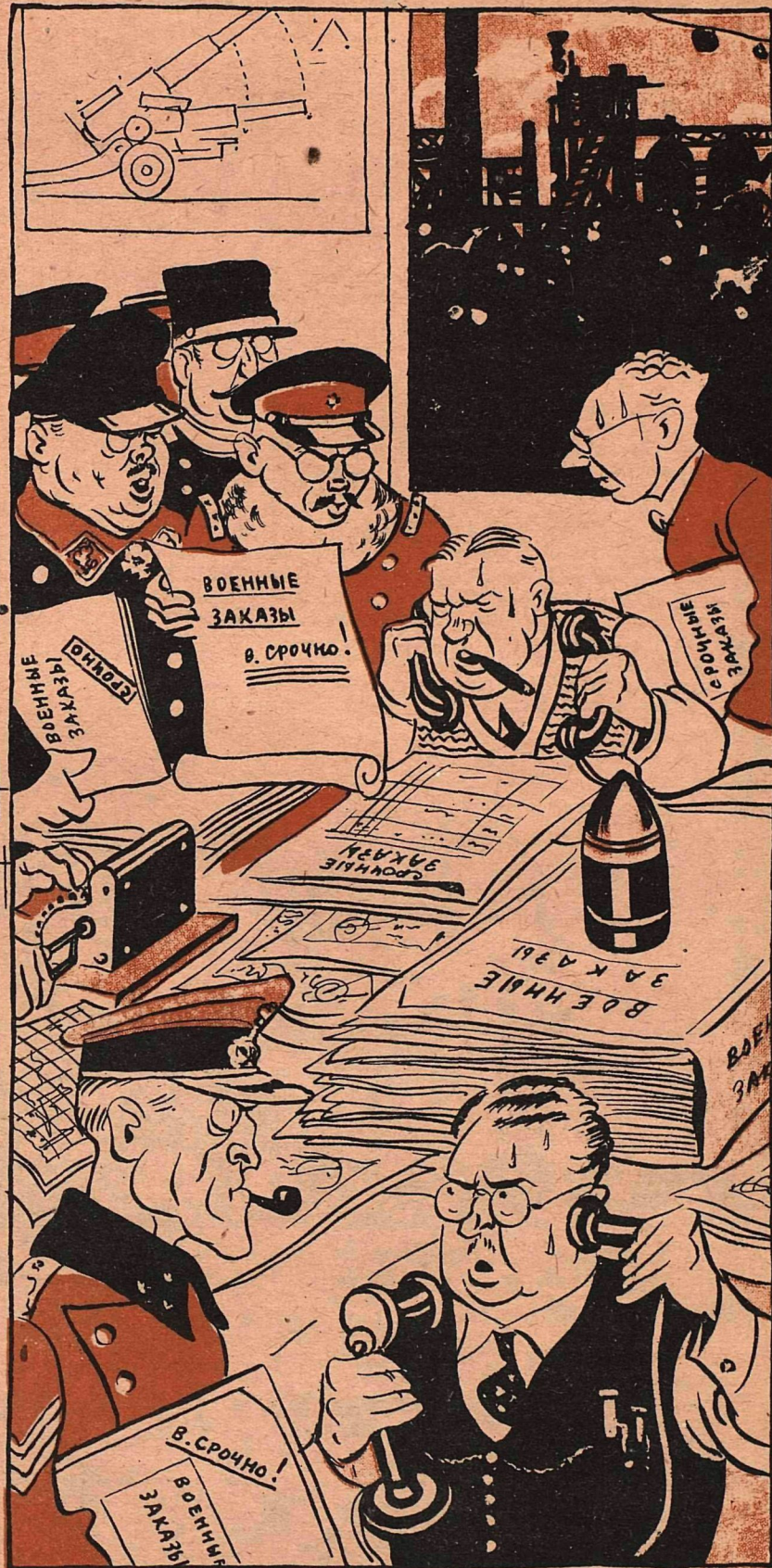
— Да ведь вы современный писатель, товарищ Щедрин! — вскричал я, оставляя газеты. — Да ведь вам место в группке сатириков, да ведь вас-то нам и не хватает!.. Прогноз-то у вас какой, Михаил Евграфович! Откуда это у вас? Газеты вам, что ли, в срок доставляют? Вы и на международные, вы и на внутренние темы. Знаете ли, именно вас «Крокодил» давно дожидается. Там перемены и всякие новости... Да что тут медлить! Давайте-ка я позвоно...

И тут я бросился к телефону.

Но знаете, как у нас с телефоном. То занято, то се, то другое... Так и не дозвонился, а тем временем Михаил Евграфович исчез. И остался у меня в руках только один том да несколько томов на полке.

Л. НИКУЛИН

Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 34

Кто зевает

и

кто в это время не зеваает.

ДИТЯ БЕЗ ГЛАЗА

Где расположен город Иваново?
 На этот вопрос отвечают разны. Орган Ивановского обкома комсомола — газета «Ленинец» считает, например, что Иваново — это за граница.
 Под шикарно клишированным заголовком: «За рубежом» эта газета поместила 15 апреля большую корреспонденцию об ивановской кавалерийской школе Осовиахима им. Буденного, которая «начала свое существование четыре года назад буквально на пустом месте, и т. д.»
 Чтобы хоть несколько возместить утрату, понесенную Советским союзом в результате переброски города Иваново за рубеж, редакция пошла на головокружительный маневр. В том же номере и на той же полосе она поместила под

оптимистическим заголовком: «Растут буденновцы» обширную телеграмму из Токио, повествующую о том, что японское министерство земледелия закупило около 10 миллионов коку риса и тем самым оказало большую помощь крупным рисоторговцам и помещикам.
 Читателя справедливо бросает в жар. Его растерянный взор блуждает по той же увлекательной странице и останавливается на скромно прикрашенном в уголке сообщении редакции:
 «Во вчерашнем номере «Ленинца» на четвертой полосе допущена ошибка. Клише над надписью — «Через увеличивающее (брак) стекло»... должно стоять над надписью — «Руководство насковзь либеральное» и наоборот, клише над над-

писью «Руководство насковзь либеральное» должно стоять над надписью — «Через увеличивающее (брак) стекло».
 А под поправкой подпись:
 Ответ. редактор В. Начинкин.
 Искушенный читатель уже догадывается, что и здесь подпись тоже перепутана. Что В. Начинкин никакой не ответственный и никакой не редактор. Что эта фамилия должна была значиться в одной из заметок, помещенной на этой полосе. Нето в заметке «17.583 кубометра дров поднято водой», нето в «Приговоре над бракоделами», нето в корреспонденции «8 тысяч детплощадок».

ДОХВАТИМ ПОЛИТУДОЧКОЙ 100% РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ НАШЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ. ЗА

— Ты что вытащил?
— Строгий выговор тебе за безобразную проработку решений партсъезда.

БУМАЖНЫЕ РОЗЫ

НАРКОМ ПРИЕХАЛ!

Телефонная трубка трепетала в руках завхоза, как пойманная рыбка.

На лице завхоза покоится особое, благостное сияние. Подумать только! Он разговаривает по телефону — слушайте, слушайте! — с наркомом! С товарищем Лобовым! С наркомом лесной промышленности! Тише, не мешайте!

Взволнованный завхоз бережно вешает трубку и, окрыленный, бежит к директору. Не мешайте! Расступитесь! Дайте дорогу!

Директор Вельгической бумажной фабрики (есть такая фабрика под Ленинградом) Мигачев сидит в своем кабинете и ни о чем не подозревает. Он думает, директор, что вообще жизнь течет и никаких происшествий не наблюдается. Он ошибается, директор, как ошибались до него все хладнокровные философы и равнодушные стоики. Жизнь — это не обывательский ручеек, спокойно прогуливающийся по гладкой равнине. Жизнь — это всевозможные каскады неожиданных брызг.

— Нарком!

Этот восторженный крик вырвался из переполненной груди окрыленного завхоза. Директор товарищ Мигачев уставился на него непонимающими глазами, и завхоз, захлебываясь и ликуя, рассказал директору, в чем дело. «Только что со станции Боровичи звонил, честное слово, нарком лесной промышленности. Товарищ Лобов, честное слово... Едет сюда на фабрику, честное слово.

Просил прислать, честное слово, лошадей. Вот! Честное слово...»

Хотелось бы, да не будем. Хотелось бы описать внутренние переживания директора в эти минуты. Но не станем заниматься этим делом. Мы решили сегодня в психологические бездны не углубляться. Тем более, что переживаниями директора был одержим всего минуты две, не больше. После этого он вскочил и громовым голосом закричал секретарю:

— Пишите! Выговор!

— Кому?

— Всем. Но в первую очередь — коменданту. Во вторую очередь... Нет! Зачеркните вторую очередь. Всем начальникам цехов — тоже в первую очередь. Выговор за грязь. Ведь до чего, каналы, довели фабрику! Пройти нельзя. А к нам — сам нарком!

Тотчас же были мобилизованы все живые силы на очистку двора. Работа кипела. Директор, обливаясь потом, бегал, кричал, распоряжался. Это был великий шторм, аврал, культпоход за чистоту. В процессе культпохода сам директор два раза сбегал к себе на квартиру и тщательно вымыл лицо и руки душистым мылом.

Лошадей давно послали на станцию. Вот-вот придет нарком. Скорей, скорей! Мусор в кучи! Тачками — куда-нибудь, куда угодно, только подальше с глаз. Скорей! Ну, и темпы! И откуда вдруг столько грязи!

Тише! Спокойно! Не надо волноваться! Едет! Вот заворачивают лошади.

Спокойно! Надо взять себя в руки. Можно даже приветливо улыбнуться. Главное — не волноваться!..

Лошади везают во двор. И кто... И кто же это... Кто же это сидит в бричке?

Догадливый читатель скажет:

— Я уже давно понял. Это — не нарком. Какой-нибудь другой человек по фамилии Лобов.

Догадливый читатель и прав и неправ. Приезжий — не нарком. Но и совсем не Лобов.

А инженер треста Ломов. Завхоз напугал.

И влетело же потом завхозу от директора:

— Из-за тебя, головотяпа, мы фабричный двор очищали от грязи. Теперь все смеяться будут над нами. Из-за тебя я два раза мыл лицо и руки. Ты нас всех поставил в дурацкое положение.

Завхоз стоял, опустив долу глаза, как человек, совершивший крупное уголовное преступление.

СКАЗКА О БОЧКЕ

К сожалению, не знаем ни фамилий, ни имен отчества, ни возраста этих милых и энергичных людей.

Мы одно знаем: они являются агентами Вельгической бумажной фабрики. Но этого уже достаточно, чтоб воспытать к ним добрым чувством и посвятить им несколько теплых строк.

В то время когда мы с вами занимаемся разными текущими делами, читаем полезные книжки, наслаждаемся спорами о языке, восторженно ругаем «Даму с камелиями», — они, эти милые и энергичные люди, посвятили лучшие дни своей жизни:

Поискам машинного масла.

Нет машинного масла на фабрике! Фабрике угрожает простой. Отношения. Требования. Телеграммы. Не помогает.

И вот по всем магистралям железных дорог, туда и обратно, разезжают в поте лица своего агенты в поисках масла. Помогло.

От одного из них недавно получена радостная «молния»:

— Есть!

Вторая «молния» комментировала первую:

— Есть машинное масло!

Третья «молния» сообщала волнующие подробности:

— Масло отгружено пассажирской скоростью.

Терпенье, друзья мои, терпенье. Скоро придет масло.

Не будем тянуть. Не будем утруждать ни себя ни вас излишними описаниями. Скажем кратко, — долгожданная минута наступила.

На фабрику прибыла огромная толстопузая бочка.

Конечно все рады. Конечно все с благодарностью думают о подвиге агентов.

Но — ближе к делу! Надо определить качество масла.

Ничего трудного в этом нет. Надо только вставить в воронку бочки насос и качать.

Так и сделали.

Но — странно, очень странно! — масло не идет. Качали долго — масла нет.

Директор завода, наиболее светлая голова на фабрике, даже осерчал:

— Дурни! Простой вещи не понимаете. Насос испорчен.

Все признали: директор, как всегда, прав. Стали чинить насос. Чинили день, чинили два, починили.

Вставили обновленный насос в воронку бочки. Стали качать. Ни ответа ни привета. Масло не идет.

Нашелся на заводе еще один умный человек, который внес ценное рационализаторское предложение:

— Вышибить дно из бочки.

Решили предложение обсудить. Обсуждали день, обсуждали два. Большинством голосов постановили предложение принять, автора его премияровать.

Стали вышибать дно из бочки. Вышибли.

И сразу стало ясно, почему не шло масло.

Потому что в бочке было... варенье.

Сели пить чай с вареньем. Пьют неделю, пьют другую.

А масло? Терпенье, друзья мои, терпенье. Скоро агенты пришлют новую бочку. Может быть, там случайно окажется не варенье, не творог и не компот, а машинное масло? Все может быть. Жизнь изредка балует нас сюрпризами.

Г. РЫКЛИН

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

Устав от жажды
и без сил,
Тяжелый,
потный,
черный,
Водички
поезд попросил
У труб
водонапорных.
Но те сказали:
— Бог подаст!
И с рельсой
перестукиваясь,
С обидой
поезд молвил:
— Да-с...
Какая в нравах
сухость.
Столбы мелькнули
в ночь и тьму,
Дошел старик
до точки...
Другая станция
к нему
Сама бежит
с платочком.
Несет улыбой
жбан трубы:
— Имеется
водица,
Быть может,

Вам
хотелось бы
Немного
прохладиться?
И вдруг
застенчивей невест
У башенного
купола
Та станция
во весь
навес
Свои глаза
потупила.
А поезд
ковш отдал перрону —
Не время здесь
влюбленностям —
Сказал перрону:
— Очень тронут!
И в самом деле —
тронулся.
Оставил башне
паровоз
Букет
огромных дымных роз.
Вот так бывает,
ежели
Перрон и поезд
вежливы.

С. КИРСАНОВ

ПРОЧЛИ И УДИВИЛИСЬ СЛУЧАЙ С ПУШКИНЫМ

А. С. Пушкин родился в 1799 году. Ни от кого он года своего рождения не скрывал, но специального уведомления об этом в газету «За коммунистическое просвещение» послать не удосужился. Воспользовавшись этим обстоятельством, газета (№ 77) заявила, что на-днях предстоит столетие со дня рождения Пушкина.

«Во всех стихиях человек — тиран, предатель или узник», — сказал когда-то Пушкин. И неправильно сказал. В редакционной стихии некоторые люди оказываются и не предателями, и не узниками, и не тиранами, а просто литературно неграмотными.

СОЛНЦА И ЛЮДА

Вот как в газете «За большевистские колхозы» (орган политотдела Пуховской МТС) тонко и загадочно описывается весна:

Прошла зима лютая и злая,
Луч солнца стал теплом манить

Вдали река так жутко что-то громыхает
И гордо борется с водой,
Это гордый „Шмидт“ первый путь ломает.
С верхом нагруженный людой.

Фамилия автора — Шидогубов. Редактор — Воронов. Это все, что мы можем сказать о них хорошего.

ПОЛИТНЕГРАМОТА

Нельзя медведю давать играть на скрипке. Даже, если он захочет. Неосторожно безграмотному человеку позволять писать передовые статьи. Даже если он член редакции газеты «Большевистский цемент» (газета Яшнинского цементного завода). Иначе в качестве результата такой неосторожности появляются следующие строки в газете:

... Повышая военное знание, Красная армия переходит к единому с рабочим классом — и восстановлению разрухи трудового фронта.

Хорошо редактору этой безграмотной газеты т. Батурину, который ее только подписывает. А каково тем, которые на нее подписываются?

УНЫЛЫЙ КОНВЕЙЕР

Рис. Л. Генча

Работники низовой кооперации безостановочно перебрасываются с места на место.

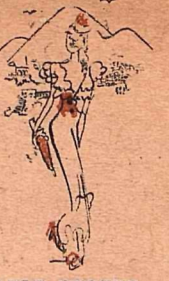

— Ты тут посиди с полчаса на вокзале, — я только дела приму да, кстати, и следующее назначение получу.

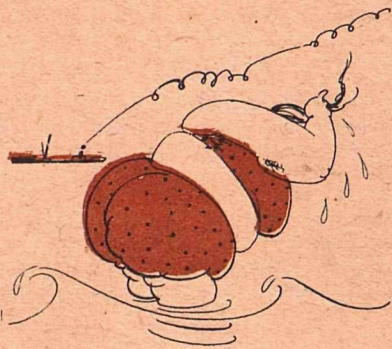
„КУРОРТЫ РАБОЧИМ“ ИЛИ КИСЛОВОДСКАЯ КУКОЛКА

(РАССКАЗ О ФАКТИЧЕСКИХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С ВЫМЫШЛЕННЫМИ ФАМИЛИЯМИ)

„Весна! Выставляется первая рама,
И в комнату шум ворвался!“
В семействе главбуха весенняя драма:
Жена измоталась вся.

Курорты — рабочим? Я тоже лентяйкой
Себя не считаю пока.
Ах, так тяжело быть домашней хозяйкой,
Трудней, может быть, чем стоять у станка.

Курорты — рабочим?.. Схожу к Розенблату
Иль к Сажину. Сяду, скажу: „Да-ра-гой!..“
Путевку рабочую должен по блату
Достать мне не тот, так другой.

Курорты — рабочим? Слыхали?.. Читали?..
Курортный контроль? Не большая беда.

Вершинину Олю в контроле мотали, —
Она написала, не вспомню, куда.

И вот — контролерам же нос натянули.
„Горнячке“ и все! Кто-то там приказал.
А вы б на „работницу“ эту взглянули,
Когда она входит в курзал.

Положим, что выглядит Оля купчихой
Излишне толста и кругла.
Меня раз в путевку вписали „ткачихой“,
И я на курорте... ткала.

Ткала очень тонко свою паутину..
Знакомства... букеты... вино... антрекот..
Нельзя ж так смотреть на чужого
мужчину:
Зашла с ним куда, он уж — „кот“!

Рабочие... те, что с путевкой законной..
Посмотрит и плюнет иной— „Что за чорт!
Какою такой натаскали веревкой
Вертушек всех этих в рабочий курорт?!“

Веревка-то кто ж? Розенблат или Сажин?
„Ах, Сажин! Его я должна повидать.
Он мне в Кисловодск, как теперь он ни
важен,
А должен путевку рабочую дать!“

Блатная работает электронка,
Блатмейстеры шкуют за нашей спиной.

Фальшивых путевок немалая стопка
Лежит на столе предо мной.

По этим фальшивкам ведется работа:
Кому-то свирепо влетит.
А мой фельетон—предсудебная нота
Для тех, чей к фальшивкам не сбит аппетит,

Кто вздумает вновь наступающим летом
— В обход интересов рабочей среды —
Порхать по курортам с фальшивым билетом,
Втираясь всюду без всякой чреды.

Пора прекратить безобразие это.
Всех, в нем уличенных, к ответу, к суду!
Курортному сраму суровое „вето“ ¹⁾
Поставим мы в этом году!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

¹⁾ Запрещение.

НЕ ТА СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Рис. А. Топикова

Сельские учителя часто не могут заниматься педагогической работой из-за нагрузки их совершенно посторонними занятиями.

6 **СТОРОЖ — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЕЛЬСОВЕТА: — Что я тебе учитель, что ли, чтобы повестки разносить?**

Оперные артисты люди по большей части суеверные, чудаковатые, за ними водятся странности.

Итальянский певец в день спектакля с утра бегаёт по городу, выскивая горбуна. Если он увидит горбуна, это принесет ему счастье, удачу — на спектакле он ни разу не сорвется, не будет накладок, все пройдет благополучно, будет успех.

Это традиционное суеверие. От него не могут отделаться даже знаменитости, даже Карузо, которому насчет голоса и триумфов беспокоиться было нечего. Даже он чувствовал себя несчастным, если до выхода на сцену ему на глаза не попадался горбатый.

Хорошо, если дело происходит на юге, в Неаполе, где горбунов, зобатых и колченогих великое множество. А что делать на севере, где-нибудь в Турине, население коего отличается статностью и пропорциональностью частей тела? Худо там живется какому-нибудь драматическому баритону или меццо-характерному тенору.

На севере приходится прибегать к другим хитростям. В Милане, в галлерее Виктора Эмануила, на мраморном полу выложен мозаичный бычок. Если артист себе не враг, он, проходя по галлерее, наступает на бычка и поворачивается на каблук. Это тоже приносит счастье. В музыкальных кругах считается, что бычок даже более верное средство, чем встреча с горбатым.

Каждые несколько лет бычка реставрируют, но неумолимые чудачки снова протирают в нем ямку своими каблуками.

Очень, очень странные люди оперные певцы. Например, один столичный бас перед выступлением справлялся, полный ли сбор и куда администратор спрятал деньги. Без этого условия он петь не хотел, не мог. Такая у него была примета.

Итак, горбун, бычок, кассовая наличность. Все это невинные странности высоко одаренных людей.

Но больше всего чудачеств не в миланской опере, и не в московской, а в киевской. Киевское бель-канто сопровождается множеством действий, не предусмотренных ни партитурой, ни авторским текстом, ни правилами внутреннего распорядка.

Поэма Пушкина, музыка Чайковского и указания месткома ясно дают понять, что Евгений Онегин, хотя и чуждого нам происхождения (дворянин и помещик), но все же не забулдыга и не алкоголик.

Правда, Онегин иногда заливал за галстук. Но это бывало на холостых пирушках, ну, какое-нибудь там: «Вошел — и пробка в потолок, вина кометы брызнул ток»; или где-нибудь в ресторане — «Еще бокалов жажда просит залить горячий жир котлет». Но к Ларинным он ни разу не являлся в пьяном виде. А когда он пришел на свидание с Татьяной, то был чист, как стеклышко, маковой росинки во рту не было. Он был холоден и рассудителен — «Примите исповедь мою, себя на суд вам отдаю». Такие слова может произнести только совершенно трезвый человек.

А что касается дуэли с Ленским, то тут уж никаких сомнений быть не может. Пушкин с Чайковским следили за поведением Онегина с утра. Он встал, «глядит и видит, что пора давно уж ехать со двора». Одеся, француз Гильо «халат и туфли предлагает». Заметьте, водки никто ему не предлагал.

И тем не менее заслуженный артист Зубарев исполняет партию Евгения Онегина в пьяном виде, еле держась на ногах. Как он в таком состоянии на поединке попадает не в дирижера, а в Ленского, понять немислимо.

Такую сверхметкую, снайперскую стрельбу можно объяснить разве только многолетней привычкой Зубарева выступать под мухой.

Хорошо бы узнать, как заслуженный артист трактует партию Демона? Представим себе эту мрачную картину: «Печальный демон, дух изгнания», наступая на собственные крылья и на руки суфлера, бродит по сцене и громко икает, заглушая женский хор, который, дрожа от страха, поет — «День и ночь шумит Арагва».

Женщинам киевской оперы вообще работать жутковато. На сцене при полном свете рампы, на глазах у публики, сидящей в зале, они чувствуют себя, как в темном переулке на Подоле. Каждую минуту они ждут нападения хулиганов. На сцене их щипают до синяков и шепчут им слова, не значащиеся в либретто — всякие непристойности и мерзости. Главные щипачи, или щипуны, или щипатели (даже подходящего названия не подберешь для этого свинского занятия) — певцы Недин и Волковой.

Нет, нет, Собинов и Баттистини иначе начинали свою карьеру!

«День и ночь шумит Арагва», день и ночь шумит Донец.

Но это не река Донец, а народный артист Донец, общепризнанный батько киевского оперного куреня.

Известно, что нет такого баса, который не хотел бы стать вторым Шалапиным. Это тоже одна из оперных традиций.

На пути в Шалапины Донец решил овладеть техникой великого собрата, так сказать, собаса. Первым долгом он побил рабочего сцены Левицкого. Потом отправился домой, попробовал голос.

— Нет, еще не звучит. То-есть звучит, но не так, как нужно. Нет этого шалапинского пианиссимо. Чорт возьми, нет и фортиссимо. Надо работать, работать и работать.

Пошел и побил артиста Исаакова. О певце начала распространяться слава второго Шалапина, но с пением все еще продолжалась непонятная заминка. Замашки были шалапинские, а голос и игра были какие-то донцовские. Явно было видно, что только упорным трудом можно было добиться совершенства.

Пора было покончить с кустарщиной и приступить к систематическому освоению шалапинских методов.

Последним был избит артист Азрикан. Донец вложил в это упражнение всю свою душу. Он рычал, грохотал, наносил удары, бесновался, как только мог.

— Ну, вылитый Шалапин, — с испугом говорили старые, выдавшие виды хористы и комприарио.

Вечером Донец сидел, окруженный друзьями, и жаловался:

— Кажется, все сделал. И куражился, и с оркестром расправлялся, и морду бил, кому попало. Почему же лавры выдают в недостаточном количестве, почему публика не понимает, не награждает? Почему я все-таки не Шалапин?

Действительно, артист сделал все, чтобы стать похожим на Шалапина. Вот только на колени перед царем не становился.

Странная в Киеве опера. Баритоны после полочки бродят по сцене пьяные, тенора щипают сопрано, басы хлещут баритонов и теноров, хористы прячутся от солистов за фанерные кусты. Идет большая и кипучая музыкальная жизнь, скоро прорвутся через оркестр и станут кидаться на публику. Хорошо, если успеют во-время спустить железный занавес. А если не успеют?

В ДЕБРЯХ АТЛАСА

Лицо нашей доброй, старой планеты изборождено следами многолетних потрясающих катастроф. Вулканы заливали города горячей лавой. Оползни и снежные обвалы стирали с лица земли целые административные единицы. Провалился в океан навеки-веков огромный материк — Атлантида.

Не так давно в строй слепых сил, изменяющих лицо земли, неожиданно для науки вступил новый фактор невиданной разрушительной силы — Всесоюзный картографический трест.

Первые пробные шаги на этом чрезвычайно эффектном поприще сделали несколько лет назад отдельные более мелкие отряды картографов. Без шума, помпы и хвастовства, в один присест они проделали поистине титаническую работу, перебросив Магнитострой вместе с горой Магнитной из Южного Урала на север — значительно северней Кушвинского завода.

Понравилось. Но размах не удовлетворял. Обыкновенная внутриобластная переброска. Потянуло на международную арену. Взяли и перенесли часть белорусских новостроек за пределы СССР — в Польшу и Латвию. Учтите, что народное хозяйство этих стран задыхается от кризиса сбыта и что производственный аппарат их собственных предприятий используется в ничтожной степени. Ясно, что радушный и хлебосольный жест наших картографов не может быть в этих условиях расценен иначе, как недружественный, достойный сожаления акт.

Прошло несколько лет, и вот в этих кабинетах Всесоюзного картографического треста рождаются ураганы несравненно большей разрушительной силы. Не отдельные новостройки, пусть и гигантские, а целые союзные

республики сметаются этими ураганами с карты нашей страны в выпущенном трестом «Карманном атласе СССР».

С количественной стороны дело обстоит вполне благополучно. Даже более, чем благополучно. Очень радостная картина. Прибавилась к тесной семье союзных республик еще одна союзная республика. Было семь, стало восемь. У каждой — свой центр. Итого восемь центров. Тоже на один больше номинала. Ихнего полку прибыло. Возрадуемся, товарищи, что ли?

Но давайте, прежде чем предаться законному чувству гордости и радости, проверим из осторожности список республик, зачисленных в союзные энтузиастами картографического дела, составившими карту № 2 упомянутого карманного атласа.

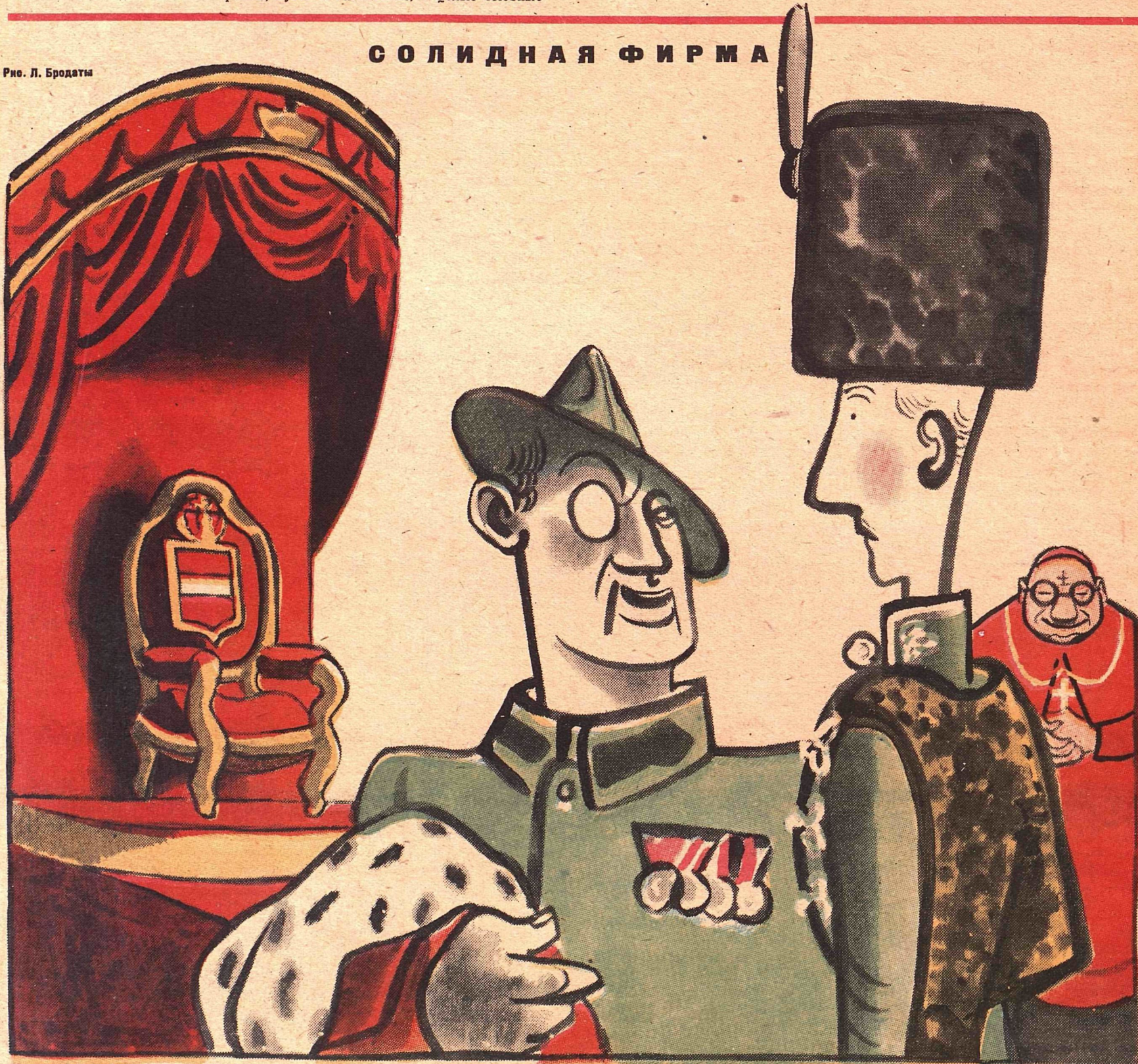
И ах, как обидно! Пропали две довольно значительные республики: РСФСР и Закавказская федерация!

Их нет в списке союзных республик, помещенном на полях этой головокругительной карты. Их отсутствие хотят компенсировать самовольным возведением в ранг союзных республик Азербайджана, Армении и Грузии. Но ведь это партизанщина! Надо было все-таки у ЦИК справиться. Ведь это его прерогатива — возведение в ранг союзных республик. Если не было времени и возможности обратиться за справкой в ЦИК Союза, спросили бы у первого попавшегося пионера. Он объяснил бы: и сколько у нас союзных республик, и какие у них главные города, и почему нельзя считать Эривань и Баку центрами союзных республик. Он рассказал бы им о пользе грамоты, что ученье — свет, а неученье — тьма. Что политграмота — чрезвычайно нужная вещь для всех трудящихся, в том числе и для научных работников картографического фронта. И добросовестность в работе — тоже.

И. БУШУЕВ

СОЛИДНАЯ ФИРМА

Рис. Л. Бродаты

ЭКС-КРОНПРИНЦ ОТТО ГАБСБУРГСКИЙ: — А вы уверены, что на австрийском троне уже безопасно сидеть?

— Помилуйте, ваше высочество, — ведь его же реставрировали такие испытанные мастера, как Отто Бауэр и компания!

ДЕР КОНГРЕСС ТАНЦТ

Рис. Ю. Ганфа

В Вене — «порядок». Каменщики и штукатуры заделывают бреши в рабочих домах, проделанные орудийными снарядами. Вставлены стекла в окнах. Замыты пятна крови. Без шума палач давит на виселицах рабочих, пленников фашистской буржуазии.

Вена банкиров и лавочников снова спокойна. Она переходит к очередным делам. Ее очередные дела — танцы.

В мае собирается в Вене первый международный танцевальный конгресс. По всем странам рассылаются приглашения в виде изящной брошюры.

«Вена—это старейший город танцев»,— так начинается эта брошюра. «Вена подарила миру вальс, Вена—родина Фанни Эйслер... Старые традиции живут поныне в Вене».

Старые традиции живут в Вене, и палачи готовы кружиться в вальсе, еще не окончив своего дела. Впрочем, конгресс будет не только танцевать. Он займется и научно-исследовательской работой. «Известнейшие международные ученые обменяются мнениями о традиции и стиле танца...»

Программа перечисляет все виды танца, подлежащие теоретическому исследованию и практической разработке — танцы групповые и индивидуальные, классические и современные. Танцы юношества и танцы стариков. Экзотические танцы. Акробатические. Исторические: религиозные, обрядовые. Художественные. С певцом. Со свистом. Вприсядку и вприглядку.

В программе нет почему-то только одного танца, весьма некогда популярного в искусстве, представленного высокими образцами в музыке и в живописи. Нет танца смерти—«данс макабр».

А между тем смерть — это наиболее усердная танцовщица в старом городе танцев, в веселой Вене. Танцуя, смерть уводит за собой вереницы безработных, она знает свои танцы юношества и танцы стариков. Смерть танцует на рассвете вокруг виселиц, и, хмельная от крови, она заглядывает в окна буржуазных вилл и особнячков.

Ее не приглашали на первый международный конгресс танцев в Вене, где еще не всюду высохла кровь после свирепой расправы с рабочими. Но, быть может, она сама заглянет под маской акробатического танца. Буржуазия пляшет на канате, веселая улыбка кажется гримасой злого отчаяния. Сальто морталя—смертельный прыжок через голову: это танец, в котором под шутовскими белыми и румяными скрывает иной раз оскал костлявого танцора с безносным черепом и с косой.

Первый международный танцевальный конгресс в Вене в 1934 г... Буржуазия умеет развлекаться после расправы с рабочими.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ЕВРОПЕЙСКИЙ АФЕРИСТ: — Прошу вас, господа, только не кончайте мою жизнь самоубийством!

Испытание Экраном

Должна идти «Травиата». Зрители отказались от вечеринки с патефоном и краковской колбасой и пошли в театр. Высокое искусство победило быт, патефон и колбасу.

Поднимается занавес.

Арию хрупкой Виолетты докладывает сильным шопотом пожилой театральный плотник. В уголке небольшой ансамбль баритонов уныло, но старательно танцует «Яблочко», а вместо реплик пламенного Рауля слышится тихое хоровое пение группы хорошо загримированных капельдинеров. Для полноты этой неожиданной картины за дирижерским пультом сидит иногородняя тетя театрального администратора и дугообразными движениями палочки регулирует работу оркестра, занятого игрою в шахматы на перевернутом контрабасе.

Вы скажете, что этого не может быть. Совершенно верно. Но не может быть и того, чтобы после такого спектакля кто-нибудь стал созывать экстренное творческое совещание с расширенной повесткой дня:

1) Иногородняя тетя за пультом — как достижение.

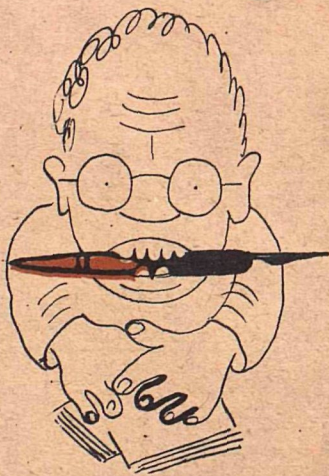
2) Танцующие баритоны и пути к ним.

3) Поющий капельдинер как таковой.

И, наконец:

4) В поисках контрабаса для игры в шахматы.

В кино это бывает. И очень часто. И даже целые картины вроде описанной нами «Травиаты», картины, после которых огорченного зрителя тянет к колбасе с патефоном как к культурному отдыху.

Прежде всего об иногородней тете. Это она, под разными режиссерскими фамилиями, пишет сценарии для кино. Кем-то в течение последних лет пущены в обращение злостные слухи, что сценарии пишутся писателями и сценаристами. Чуть. Сплетня. В 1933 году из 43 фильмов только десять были написаны этими париями киноискусства. Остальные написаны самими режиссерами. Иногородняя тетя пера не уступит.

Иногда молодые бухгалтера пишут книги. Но они это делать не обяза-

ны. Поэтому после двух неудачных рукописей молодые бухгалтера зачастую переквалифицируются на физкультуринструкторов. Кинорежиссеры тоже не обязаны писать, но они любят это делать. Но после двух неудачных картин режиссер не только не думает о переквалификации на помощника кинооператора, а, наоборот, сочным басом требует творческой дискуссии по семи актуальным вопросам.

На дискуссию кинорежиссеры идут целым общежитием, в ногу, как ходят в баню новобранцы. Операторы, мультипликаторы, штатные сценаристы и девицы с фотогеничными лицами приходят сами.

Самый неудачный автор-режиссер сейчас же ставит на дискуссию и немедленно решает в директивном порядке острую проблему:

— Нужен ли для картины сюжет и не является ли он отрывкой? А если не отрывкой, то отголоском. И вообще...

Так как штатные кинослужащие против сюжета в служебные часы и считают его происками неудачно избранного месткома, все, конечно, голосуют против. Уже готова резолюция, но на счастье на дискуссии появляется нормальный ответственный мужчина и, похвалив предыдущих ораторов за проявленную ими любовь к искусству и сожаление об испорченной пленке, деловито говорит:

— О сюжете спорить не будем. Сюжет нужен. Скажу даже больше того — сюжет нужен хороший... И именно нам, а не кому-нибудь другому.

Несконфуженные режиссеры, операторы и штатные осветители тяжелой поступью повзводно расходятся по фабрикам и начинают ставить очередную бессюжетную картину.

Призываются на помощь киноконсультанты, орды которых скитаются по коридорам фабрик и отпугивают своей авторитетностью и громким голосом робких посетителей. Каждый из них некогда застрял на первом полутоме Энгельса, не успев проработать и освоить «Капитанскую дочку» и, найдя удобную жилплощадь в Москве, взял мебель в рассрочку и определился на штатное место консультанта. Они больше всего боятся, чтобы советская картина не была похожа на американскую. Или на что-нибудь скандинавское.

— Нам еще рано смотреть интересные картины, — обиженно говорят они, стерилизуя сценарии от сюжета, — пусть их смотрят наши классовые враги. И благополучные концы еще рано. Дайте живого человека сквозь брезентовую тару или силосную башню. Вдохните в зрителя здоровый оптимизм через показ отдыхающего трактора. Или отобразите апатиты. Мы за апатиты и против беспредметного поцелуя. Поцелуй это

нам еще рано. Пусть на экране целуются наши классовые враги.

К сценариям кинорежиссеров консультанты относятся с братской терпимостью, но и в них тщательно заменяют сцены разлуки погрузкой вагонов-цистерн, а любовь — показом утрамбовки шоссе дорог в ЦЧО. Получается стопроцентный сценарий, похожий на воблу, забытую на два года в пригородном вокзале. После этого киногоруппа, во главе с обезумевшим в творческий поиск режиссером, высккивает на обширной территории СССР самые неудачные для съемки и самые удобные для усиленного питания и суточных плоскогорья и возвышенности. Группа мечется смятым караваном, теряя по пути аппараты, людей, пленку и остатки сюжета.

Недавно, например, какая-то группа под многоговорящим названием «Джаз» поехала снимать картину.

Результаты этой поездки, меланхолично освещенные в кинопечати:

Счет

- Болезнь режиссера	40.800 р.
- Легкий простой	79.000 р.
- Неприятная погода	51.000 р.
- Сложный прослой	22.400 р.
- Освоение чего-то как такового	22.000 р.
- Болезни актеров (комплект)	8.000 р.
- Комбинированный простой по возвращении	30.000 р.
- Исправление неграмотных текстов	5.000 р.
- Перерасход вообще как производственное правило	94.875 р.
- На что-то кстати	7.500 р.
Итого	360.757 р.

Почему, спрашивается, ответственный работник в любой отрасли промышленности хворает обычно на малоощутимую сумму, а кинорежиссер должен обязательно хворать на сорок тысяч и еще 800 р.? Где они берут, эти люди, такие дорогие болезни.

Наконец после всех этих перетрат и простое на экране через два года появляется картина. Начинается самое тяжелое в киноискусстве: приходит зритель. Он честно отложил вечеринку с колбасой и патефоном и пришел в кино. Он целый день работал и решил отдохнуть в кино. Даже без раздумья: не рано ли это и не перебивает ли он этим самым право на отдых у классовых врагов.

Если эта картина на советскую тематику, ему прежде всего показывают трубу. Высокую фабричную трубу, снятую сверху. Потом снизу. Потом сбоку. Около трубы — гудок. Гудок сверху. Снизу. Сбоку. Из трубы идет дым, из гудка пар, и эта несложная

комбинация пара с дымом и является завязкой и развязкой. На фоне дыма медленно ходят секретари заводских ячеек и говорят о промфинплане. На фоне пара мелькают ударницы и хором рассказывают, вплоть до четвертой части включительно, о недостатке текстильного сырья. В пятой части выясняется, что кто-то кого-то любит, но за дымом и паром этого не заметно, и вообще любовь как непролетарское чувство заменена испуганной дирекцией паром, а встреча у рожи — дымом. Пусть у рожи встречаются наши классовые враги! Шестая часть заполняется сплошной трубой и гудком, и картина кончается.

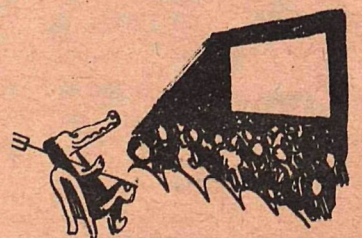
Если ему показывают классическую картину, он теряет уважение к усвоенному классическому наследству и перестает переплетать Островского и Достоевского.

— Стыдно, — ворчит он, — старики, а как скучно писали. Снять бы их с классиков и перевести в штатные экономисты.

Если ему показывают кинохронику, он никуда не скроется от той же трубы, гудка и паровозных колес. Событие ускользает от него, как мышь в подвале, в хаосе реющих в тумане спин, облаков и плакатов в анфас, плакатов в профиль, сверху, снизу, сбоку. Живых людей он не увидит даже в кинохронике. Несчастный не знает, что за него уже решил какой-то штатный консультант при нештатном режиссере, что живые люди — это для нас еще рано. Пусть живые люди будут у наших классовых врагов.

Нам возразят, что мы очень пессимистичны и что, дескать, есть у нас настоящие, хорошие фильмы, делающие честь тем, кто их создал. Есть. Не только не возражаем, но радуемся им. Но чем больше чести делают эти фильмы, тем меньше чести делает нашей кинопромышленности то скучное экранное месиво, которое зачастую подсовывают зрителю. Нам нужна сюжетная, захватывающая внимание картина, дающая действительный отдых советскому зрителю, картина с оптимистическим нутром, а дискуссии о сюжете нам не нужны. Поздно. Пусть этим занимаются наши классовые враги. А мы хотим и будем отдыхать в кино. И этому в конце-концов не мешают даже штатные консультанты на фабриках.

АРК, БУХОВ

ГАСТРОЛИ РИФМАЧА-КУДРЯВИЧА

Линуй, читательская масса! —
Вещает свежий репортаж:
„Вчера поэт, сойдя с Парнаса,
Изволил выехать в вояж“.

Приятно и полезно в марте
Спуститься из Москвы в Тифлис.
И потому маршрут на карте
Один и тот же — сверху вниз.

Еще приятней по дороге
Стихами осыпать страну.
Одна осыпка в Таганроге,
Пять-шесть — в Ростове-на-Дону,

Две с половиной — в Армавире.
И так до самого конца
Рукой рассеянной по лире
Бряцать и потрясать сердца.

Простясь с вагоном-рестораном,
Как молодой, красивый бог,
Рифмач-Кудрявич с чемоданом
Въезжает в тихий Таганрог.

Он осчастливит тех, которых
Здесь заедают сон и тишь!
На сонных тумбах и заборах
Уже сияет текст афиш:

Что гениев, конечно, травят,
Что поэтических имен
Глуп и бездарен весь алфавит,
Лишь он талантлив и умен.

А. Безыменский — схематичен,
П. Антокольский — книжный крот,
Илья Сельвинский — драмарктичен,
В. Луговской, как дьякон, зычен,
А вот Светлов — наоборот.

Что Жаров пляшет на гармошке,
Из коей сыплется песок.
Иван Доронин — спец в картошке,
У Инбер — тонкий голосок.

Что Пастернак, конечно, бяка
И в общем страшный человек.
Что у попа была собака
И ту собаку звали Джек.

Излив на публику потоки
Архиораторской ухи,
Наш Цицерон, сжимая сроки,
Читает, наконец, стихи.

Минуты расставанья близки
(Давно поэта ждет авто).
Он отвечает на записки
Уже в калошах и пальто.

— „Скажите, как работал Пушкин?“
— Довольно быстро. Так, как я.
Я, например, поэму „Стружки“
Писал всего четыре дня.

— „Что нужно, чтобы стать поэтом?
Стишками я давно грешу!“
— Читайте Байрона, при этом
Пишите так, как я пишу.

— «Вас обругали в „Литгазете“
Хал...“
— Тут неясная строка.
Позвольте на вопросы эти
Ответить... завтра. Ну, пока!

И, помахав приветно ручкой
В прозревший театральный зал,
Рифмач-Кудрявич легкой тучкой
Летит со сцены на вокзал.

Что дальше? Ясно. Крупным планом.
Поэт, приветствуя весну,
Все с тем же верным чемоданом
Сойдет в Ростове-на-Дону.

Сойдет он также в Армавире,
В Прилуках, Сызрани, в Перми...
Да! Хорошо бряцать на лире
И очень просто, чорт возьми!

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ТЕАТР ГОСОПЕРЫ И ДРАМЫ РИФМАЧ-КУДРЯВИЧ

(из Москвы)

ОТЧЕТ ПОЭТА

гвоздь программы:

Я и НЕКРАСОВ.
и **ВЫ**.

Как **Я** вошел в литературу.

Я и поэзия мо

„Я ПОМНЮ ЧУДНУЮ ХАЛТУРУ“

Я и Эпоха.

Я и **Я**.

Нужны ли нам поэзо-киски,
Энтузиасты без усов?

С Т И Х А Ж

ответы на записки

Начало ровно в 7 часов.

Семь. Восемь. Восемь с половиной.
Но вот в партере гаснет свет.
Из-за кулис походкой львиной
На сцену шествует поэт.

Явление в грозе и буре.
Тропический словесный дождь.
Коль славен он в литературе!
Пророк! Иеремя! Вождь!

Он обличает. Он неистов.
Глаза — огонь, язык, как меч.
(Как жаль, что нет стенографисток,
Чтоб передать потомкам речь!).

Он говорит — в течение часа —
О том, что критика плоха,
Что он, конечно, пуп Парнаса,
А остальные так — труха.

НЕБОГАТЫЙ АССОРТИМЕНТ

Рис. Л. Генча

— А у вас, гражданка, по животноводчеству нет книжечки?
— А что вам дать: „Золотого телянка“, „Конька-Горбунка“,
„Золотого осла“?

СЛУЧАЙ С КУЛЬТУРОЙ

Наконец культурный вокзал в городе Доброграде был открыт. Достоянейшие ораторы областного масштаба окропили его обновленные стены влагой своих речей. Кинооператоры извели не мало пленки, запечатлевая на экране наиболее яркие моменты торжества. Журналисты уходили с открытия, неся с собой блокноты, разбухшие от записей. Оркестранты вконец изнемогли от бесчисленных тушей. Пассажиры в течение добрых трех часов испытывали немалое стеснение, отиснутые стражей в дальний угол перрона.

По окончании официальной части лучшие из лучших гостей обошли все помещения культурного вокзала и были приятно поражены чистотой полов, убранством стен, свежестью простынь, предназначенных для отдыхающих пассажиров, и обилием игрушек в комнате матери и ребенка.

Наконец все кончилось. Гости ушли. И тогда начальник станции, суровый хозяйственник и администратор, товарищ Гавкин оттер пот со лба и сказал: «Ну, и слава богу». После чего вызвал подчиненных и дал им строжайший наказ неукоснительно блюсти культуру под страхом суровых административных взысканий.

Загremели радиорупоры, передававшие доклад о сберегательном деле. Этот доклад перемежался вещими выкриками дежурного, сообщавшего о времени отхода поездов. В буфете грянул струнный оркестр под управлением маэстро Жозефа Коровая. У дверей выстроились швейцары в ливреях и начали надзирать за культурой.

В тот же вечер произошло несколько примечательных событий.

У гражданки города Доброграда Тугоуховой, явившейся на вокзал с десятилетним сыном, швейцары отобрали означенного сына и, не взирая на вопли и протесты матери, отправили мыться в комнату ребенка, хотя малый был чист, как стеклышко. Из-за этого случая гражданка Тугоухова опоздала на поезд, чем была не мало раздосадована.

Двумя часами позже агитаторы и пропагандисты, прикрепленные к доброградскому вокзалу для проведения культурно-массовой работы, оцепили группу пассажиров, беззаботно скопившихся у би-

летных касс, и повлекли их в лекционный зал, где в течение часа бесплатно угощали диапозитивами и лекцией на тему о вреде мух, переносящих заразу. По окончании лекции в дверях произошла давка.

Ближе к ночи, когда пошли скорые поезда и число пассажиров удвоилось, было дано распоряжение закрыть все выходы и устроить летучее собрание пассажиров с небольшой информацией о задачах культурного вокзала. Будучи малоискушенным оратором, начальник станции товарищ Гавкин несколько затянул свою информацию, чем нарушил регламент, а пассажиров ввел в искушение совершить неблагоприятные поступки, как-то: топтать ногами, свистеть, кричать «довольно» и прочее в таком же роде.

Из всех этих примечательных событий администрация вокзала, собравшись на заседание, сделала заключение, что пассажиры в массе своей культуры не приемлют и норовят поскорее ударить с вокзала, хотя вокзал должен быть для них родным домом и даже более того.

Утром товарищ Гавкин известил по телефону вышестоящее начальство, что введение культуры—дело трудное. В ответ на это было получено указание—пусть глаза бережт культурный инвентарь: кровати, простыни, ковры и прочее, ибо без этих принадлежностей культура будет малопоказательна как с точки зрения составления служебных рапортов, так и со стороны общего вида. Будучи старым служакой, дорогой товарищ Гавкин определил это указание, как призыв к перестройке, и незамедлительно ответил: «Понято, слушаюсь».

В этот второй день существования вокзала произошли следующие примечательные события:

Гражданину Многоносову, шедшему в сапогах, слегка испачканных глиной, было приказано к полу не прикасаться, а итти на носках, как бы плывя по воздуху, на что гражданин Многоносов дерзко возразил, что он не «граф Цеппелин».

Двумя часами позже у детей, игравших в комнате матери и ребенка под присмотром многочисленных нянь, игрушки были отобраны как предметы хрупкие и могущие сломаться.

Вечером Жозефу Коровая была дана строгая директива играть не более трех мелодий в сутки, дабы безвременно не испортить дорогостоящих инструментов.

Часом позже были изгнаны все пассажиры, пытавшиеся занять койки в комнате для сна, ибо известно, что от прикосновения тела простыня мнется и теряет свой блистательный вид. Спротивлявшимся были сделаны убедительные замечания: «Ишь, разлеглись тут», «Не баре—и без постели хороши» и прочее в том же роде. К дверям комнаты был приставлен швейцар, сурово восклицавший: «Проходи, проходи».

К ночи, как и в предшествовавший день, был собран летучий митинг пассажиров, где снова, на этот раз с докладом о перестройке, выступил товарищ Гавкин и опять же раздражил пассажиров.

Утром начальник станции доложил вышестоящему начальству, что хотя культура и трудное дело, но все же успехи есть, и эти успехи одержаны на основе последних указаний о сохранении вещественных доказательств культуры как таковых.

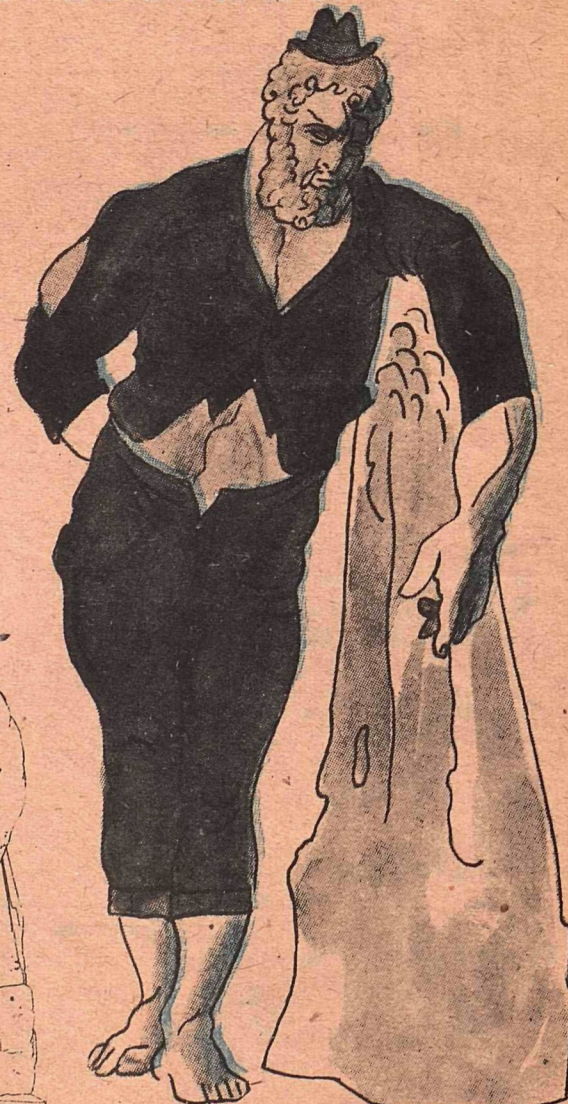
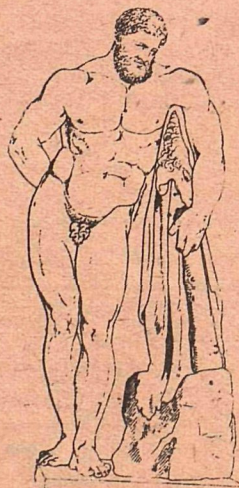
Намедни мне, бытописателю города Доброграда, привелось побывать на нашем вокзале. Вокзал великолепно сверкал чистотой и культурой. Оркестр трогательно выводил популярную сонату «Гвозди и победа». Пассажиров было мало, ибо они толкались больше внизу у билетных касс, где пахло не столько культурой, сколько дыханием пассажиров. Дорогого начальника товарища Гавкина мне было предложено найти в комнате для сна, что я и сделал. Войдя в комнату, я увидел начальника, дремавшего на кровати, при чем передние ножки этой кровати были обуты в ботиночки начальника. Подвигнувшись сему, я спросил: «К чему это?» На что начальник сказал: «Чтоб не уперли».

Затем я спросил начальника, как у него идут дела с культурой. Начальник подумал, а потом сказал: «Культура—дело трудное».

Н. КРЭН

КЛАССИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НОВОМ ВИДЕ ИЛИ КАК ВЫГЛЯДЕЛИ БЫ ГЕРОИ МИФОЛОГИИ, ЕСЛИ ИХ ОДЕТЬ В МОСКВОШВЕЕВСКИЕ КОСТЮМЫ

Рис. Л. Бродаты

Аполлон Бельведерский в выходной день.

Геркулес на трамвайной остановке.

— Ну, зачем молодому человеку столько денег? Подайте что-нибудь и бедным промышленникам.

РЕКОРД В КАНДАЛАХ

Жемчужина Британской империи — Индия. Калькутта. Ясный, безоблачный апрельский день. Солнце стоит над головой — жесткое и неумолимое, как сипай. Две величайшие реки Индии — Ганг и Брахмапутра — бесплодно пытаются соединенными усилиями победить томительную жару апрельского калькуттского дня.

Вдоль берега реки идет поджарый, мускулистый, шоколадного цвета индус. Он гол. Если не считать полуметра белой материи, прикрывающей его чресла. И новеньких блестящих стальных кандалов.

Индуса сопровождают несколько соотечественников и человек пять-шесть холодно улыбающихся англичан. На них — тщательно отутюженные белые костюмы. И, конечно, традиционные колониальные шлемы.

Вдруг индус, звякнув кандалами, бросается в мутные речные волны. На несколько мгновений он скрывается под водой. Потом он легко, как дельфин, всплывает наверх. Тысячная толпа европейцев и индусов взволнованно следит за закованным пловцом. Выдержит или не выдержит? Удержится на воде или утонет? И если утонет, то сразу или через час или через два?

Люди дискутируют, клянутся, проклинают, божатся, цитируют Заратустру, «Таймс», коран, «Последние новости».

Проходит час. Другой, Третий. Дневное светило

задумчиво и торжественно погружается в теплые воды Ганга. Над набережной зажигается бесконечная гирлянда электрических фонарей. А индус все не тонет. Его крепкие руки в поблескивающих в темноте кандалах уверенно и спокойно разрезают тихую гладь воды.

Четвертый час. Пятый. Десятый. Пятнадцатый. Двадцатый. Толпа, наблюдающая за необычным пловцом с набережной, приходит в состояние полнейшей экзальтации.

Беспримечательный случай! Дикая выдержка! Невзрелая натренированность! Какая нация!

На берегу — импровизированные митинги. Англичане хвастают: «Только под державной рукой британского короля индусы постигли высокое искусство плавать в кандалах. Обратите внимание, джентльмены: этот индус чувствует себя в воде, как на суше!»

Приверженец Махатмы Ганди бросает в толпу пафосные слова: «Индусы, учитесь плавать в кандалах. Под божественным руководством нашего учителя мы в кандалах уверенно и безмятежно поплывем навстречу светлому будущему!»

Двадцать первый час. Двадцать второй. Двадцать третий. Пловец устал. Очень устал. Он засыпает от усталости и тихо опускается на дно.

За ним ныряют, его вытаскивают из воды, откачивают и под восторженные клики толпы несут отдыхать.

На другой день в газетах появляется сенсационная телеграмма:

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ РЕКОРД В КАНДАЛАХ
Чемпион плавания индус Гоур поставил в Калькутте рекорд, который вряд ли когда-нибудь будет побит. Со стальными кандалами на руках индус продержался на воде в течение 24 часов. Пловца вытащили из воды лишь тогда, когда он, заснув, опустился на дно.

Так был весною этого года с одобрения английского начальства поставлен в городе Калькутте новый мировой спортивный рекорд. Плавание в кандалах — это вполне лояльный в колониальных условиях вид спорта. И лучшего рекорда индусским буржуазным спортсменам никогда не поставить.

Можно, конечно, использовать европейский опыт и продержаться сугки на воде с петлей на шее или с головой, положенной на эффектно декорированный портативный эшафот. Можно, в крайнем случае, пуститься вплавать с руками, крепко стянутыми за спиной знаменитым двойным узлом — гордостью калькуттской полиции.

Но все это будет только скучная, неоригинальная вариация на тему рекорда, поставленного Гоуром весною этого года.

Это отнюдь не значит, что в Индии не будут поставлены другие, более значительные рекорды. Будут замечательные, героические рекорды плавания с винтовкой в руках, с патронташами, поднятыми высоко над головой, чтобы не смочить пороха. Но эти рекорды покажут уже не буржуазные спортсмены, а индийские рабочие и крестьяне.

Л. ЛАГИН

В своей последней брошюре Отто Бауэр
клянется, что он всегда защищал австрийского
буржуа от революции.

Рис. Ю. Гаифа

Он ли его не вскармливал...

Он ли его не вынашивал...

Он ли его не оберегал...

И когда воспитанник окреп, не его ли, воспитателя, выкинули на улицу?!

Английский профессор-химик Армстронг по поводу участия женщин в политической жизни высказал следующее четкое и безоговорочное суждение:

„Женщин надо бить. Палки, палки — единственное средство! Палкой надо гнать женщину назад к домашнему очагу“.

Даже лондонские полицейские оказались либеральнее профессора Армстронга: в области применения палок они уже давно признали полное равноправие полов.

В СПЕРТОМ ВОЗДУХЕ

Гергард Гауптман, оправдывая свой переход в лагерь фашистов, пишет:

„Я почувствовал, что для меня снова открылась моя родина. И я жадно глотаю ее воздух“.

Ну что ж, для одного Гауптмана, может быть, там воздуха и хватит. Зато остальным писателям уже давно дышать нечем.

О ЛЮБВИ К ЛИТЕРАТУРЕ

В Югославии конфискован переводный роман Луи Адамика — «Возвращение домой». Каждый, захваченный с этой книгой

„подвергался двухлетнему тюремному заключению. Подобное же наказание грозит и за чтение еще целого ряда книг“.

В Белграде, повидимому, можно услышать теперь и такой диалог:

- Петрич на два года за новый роман засел.
- А он что — писатель?
- Что вы, что вы, наоборот, — читатель.

„НАУКА ЮНОШЕЙ ПИТАЕТ“

В Париже открылся

„Университет крупье“, подготовляющий „кадры“ для игорных домов.

Это, кажется, первое учебное заведение, где вместо географических карт учащиеся будут заниматься с краплеными.

ЯПОНСКИЕ АФОРИЗМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к собиранию японских афоризмов, мы должны предупредить читателя о нижеследующем.

Япония — страна, находящаяся в «особых условиях». Настолько особых, что, по свидетельству английского журнала «Раунд Тейбл», японцы, готовя пыльную встречу проф. Эйнштейну, решили его предупредить, что его теория относительности к Японии неприменима.

Итак, для понимания японских афоризмов необходимо помнить, что на свете все относительно, кроме Японии.

Два слова о понятии «афоризм». По авторитетному утверждению Павленкова (словарь эпохи Мейдзи), афоризм есть «кратко выраженная мысль без дальнейших пояснений».

Учитывая «японский дух, трудно понимаемый белыми расами», составитель сборника не закрывает себе пути для некоторых необходимых пояснений, обещая по возможности быть сугубо кратким.

АФОРИЗМЫ КАК ТАКОВЫЕ

1. Азия — для азиатов.

Под азиатами надлежит понимать одних японцев.

2. Действия Японии ни в чем не противоречат принципам справедливости.

Этот афоризм — плод изобретательности небезызвестного генерала Садао Араки. Чтобы рассеять возможные сомнения, могущие возникнуть у читателя, предоставляем самому генералу слово для пояснения. «Когда ставится вопрос о причинах манчжурского инцидента (захват японцами Мукдена и т. д.), то каждый японец ищет их... в несправедливом посягательстве на приобретенные Японией права и интересы. Бесспорно, все это является поводом для происхождения инцидента, но откровенно говоря, этот инцидент вырос не на таких мелких вопросах. В основе его лежит коренной вопрос. Что же это такое? Это — оскорбление Китаем Японии».

Мораль: Япония — оскорбленная невинность.

Кто этого не понимает, тот не понимает японского духа.

3. Пустыни Манчжуро-Монголии превратились одновременно с созданием нового Манчжурского государства в великий райский цветник. Манчжурский народ, наконец, достиг своего счастья. Он свободен и не угнетен. Он достиг идеала, о котором мечтал.

Эти мудрые, не нуждающиеся в пояснениях слова принадлежат ученому Такачи Томосабуро. Только американские скептики из «Чайна уикли ревью» позволяют себе сомневаться в истинности слов, ссылаясь на рост партизанского движения в Манчжурии. Американские скептики оперируют следующими неубедительными данными:

С октября 1931 г. по 3 марта 1933 года японцы предприняли 22 карательных экспедиции против партизан.

23-я операция предпринята 10 октября 1933 г. и закончена 1 декабря 1933 г.

24-я операция начата 15 января и продолжается до сих пор. 25-я операция — 5 октября 1933 г., закончена 1 декабря 1933 г. 26-я операция — 5 ноября 1933 г. 27-я операция — 20 января 1934 г. (продолжается). 28-я операция — 5 октября 1933 г. 29-я операция — 5 октября 1933 г. 30-я операция — 20 ноября 1933 г.

Американцы из «Чайна уикли ревью» добавляют, что эти данные дают только «слабое представление о подлинном положении»...

Американцы никогда не понимали японского духа.

4. Судить о том, благоприятны ли для Китая предложения держав, ведущих индивидуальные переговоры с Китаем... должна только Япония. Этот афоризм, почерпнутый из заявления представителя японского министерства иностранных дел, также в пояснениях не нуждается.

5. Только Япония в состоянии поддерживать мир и порядок в Восточной Азии. И если для проведения японской политики потребуются «позитивные мероприятия» вплоть до применения вооруженной силы, то Япония прибегнет к ним. (Из того же заявления представителя министерства). Кто этого не понимает, не понимает японского духа.

6. Японцы — апостолы мира.

Генерал Араки, автор и этого мудрого афоризма, разъясняет:

«Поверхностным взглядом или сознательным искажением действительности является представление о том, что Япония является милитаристической страной и проводит агрессивную политику. У Японии нет других намерений, как реализовать свой основной идеал — сохранение мира».

Факты конечно, целиком подтверждают слова генерала Араки. Захват Манчжурии, Жэхэ, Северного Китая, провокации на КВЖД, активность в Монголии, лихорадочное строительство аэродромов, стратегических железных и шоссейных дорог — яркое выражение мирной политики.

Кто этого не понимает, тот не понимает японского духа.

7. Япония не может устранить затруднения в Восточной Азии, если не примет политики крови и железа... Если мы будем иметь успех в покорении Китая, остальные азиатские страны и страны южных морей будут бояться нас и сдадутся нам.

Эти слова генерала Танака только внешне противоречат словам генерала Араки. Мирная политика Араки и политика Танака — одно и то же.

Кто этого не понимает, тот не понимает японского духа.

ДЖ. ГОЛЬДХИЛ

ЛЮБОВЬ НА ХОДУ

На буденновской шахте существует специальный сменный журнал, куда заносятся все замеченные при приеме и сдаче механизмов дефекты. Шахта очень гордится этим нововведением.

«Лебедка принята от третьей смены исправная: в подшипнике нет кольца, и не бьет сигнал».

«Лебедка принята от первой смены исправной: переработано кольцо, не причажен канат, сигнал не бьет».

От этих записей никуда не уйдешь. Виновник порчи механизмов всегда найдется. Или, скажем, такая запись в журнале:

«Федя и Сеня, я тебя люблю и вас... Федичка, Сенячка... милый мой. Здравствуйте многоуважаемые, я хочу знать вас...»

Следующая смена отвечает: «У вас черные глаза и губы, как миндал. Федя».

«Федя, я тебя люблю и в том ко мне разрешаю с вами познакомиться. Долго я не буду вас на минутку... Сеня и Федя я вас обоих люблю и раз я вас люблю — ах, зачем я полюбила тебя... Дора».

Приним и сдача механизмов продолжается.

Дора: Федя кто с вами был вчера в кинезе? Я так страдала, так страдала, как вы ей шептали и хохотали.

Федя:
Не надо губки надувать
Не надо слез
Идите тоже гулять
И без слез.

Дора: Сенячка я больше не гуляю с Федей. Он легковес. Разрешаю в том ко мне познакомиться с вами...

Цитировать дальше роман на ходу шахты № 12/18 Буденновского рудоуправления, — значит развернуть перед читателем столь сложное полотно любви и столь грустное, что едва ли хватало бы у нас на

это сил. Не прошло и полмесяца, как в роман вмешались сразу еще две женщины: Анна Быкова и Муся Абаданова, тоже лебедчицы. Муся, кстати, та, которой Федя «в кинезе шептал и хохотал». Включилось в роман еще двое мужчин: Гриша и Вова. Тоже лебедчицы.

Не Бальзак и вообще не романист, автор данного произведения скромно отступает, не в силах найти необходимые краски для описания трогательной человеческой трагедии.

Обидно, очень обидно! Какой прекрасный получился бы роман.

Судите сами. Шахта насыщена механизмами, как ни одна во всем рудоуправлении: 22 привода, 9 откаточных лебедок, на 1.100 метров непрерывная центральная откатка, 3 врубовых машины, электровозы, водоотливы, моторы, подъемники... Какой мощный индустриальный звон!

Это — с одной стороны. С другой стороны — классовый фон. Любовь молодых шахтеров и шахтерок развертывается на фоне неких темных сил, тайно проникших в угольные штреки, из-за чего на шахте катастрофически падает из месяца в месяц механизированная добыча. Из 22 приводов работают 12, горят моторы, стынут лебедки... Ах, этот злой плановый враг!

И во главе шахты, как верный страж, как неутомимый борец, торчит старый испытанный администратор Беспалов.

О, нет! Шахта не сдаст, шахта никогда не сдастся классовому врагу. Поручкой тому заведующий шахтой и его лучшие ударники и ударницы — Дора, Муся, Анна, Федя, Сеня.

Но жизнь, дорогие читатели романа, это все-таки жизнь... Дора любит Федю, Федя любит Мусю, Муся — Сеню, Сеня — Аню.

Ах, Федя, зачем полюбила я тебя. Ах Беспалов, зачем, зачем вы не смотрите в сменный журнал!

А. АГРАНОВСКИЙ

Стекольный завод им. Сазонова выпустил 45 тысяч стаканов с краями, острыми, как бритва.

Рис. А. Топикова

— Что это у тебя? С перепоя?
— Да нет. Стакан чаю выпил.

БУФЕТ РАССЫПАЛСЯ ПОВЗВОДНО...

Рравняйсь!! Смирно!!!

Железная когорта работников буфета № 2 станции Кирсанов застыла по этой команде и стала есть глазами начальство.

Начальство — дорогой товарищ Писнов — твердым шагом вышло на середину, застыло в нечеловечески мощной позе и голосом, изнемогающим от сознания собственного величия, прочло приказ по буфету № 2 станции Кирсанов, Рязано-Уральской ж. д.

«На основании решения XVII партсезда, подтвержденного Дирекцией дороги, согласно предложению Кирсановского парткома, обсужденного коллективом буфета 16 марта сего 1934 года, вводится с 17 сего марта по буфету № 2 ст. Кирсанов вместе с подсобными предприятиями

ВОЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Приказываю всем сотрудникам буфета на производстве при выполнении служебных обязанностей строго выполнять порядок военной дисциплины. Заведующий буфетом Писнов».

Бурный восторг охватил всех работников буфета.

— Как хорошо, — радовались сотрудники, расходясь справа по одному, — что правление нашей дороги подтвердило решение XVII партсезда. Очень приятно! Приветствовать надо!

Затем по команде «вольно, можно разойтись» сотрудники буфета с пением песен подполья разошлись по кухне и прочим подсобным предприятиям. Приказ размножили и вывесили во всех доступных местах для всеобщего сведения.

И сразу помещение превратилось в военный лагерь. Мужественная, четкая команда гулко раздавалась в пустом буфете. У стойки происходили сцены невероятной лаконичности:

- Можно бутерброд с колбасой?
- Никак нет-с!
- А бутерброд с сыром?
- Никак нет-с!
- Что ж у вас ничего нет?
- Так точно-с!
- А чаю можно?
- Точно так. Садитесь за стол. К вам подойдут из взвода разноски.

Рядовой взвод разноски, молодецки отстукивая шаг, принимает заказ, делает на каблучках поворот на 180° и мерной поступью скрывается в недрах подсобных предприятий буфета.

Из-за двери слышатся слова команды. Взвод военизированного чаеварения истово выполняет «шаг на месте». Все это плюс другие необходимые по ходу действия военные артикулы занимают около полутора часов.

И вот, наконец, появляется знакомый нам рядовой взвода разноски со стаканом прохладного жидкого чаю без сахара. Для усиления обороноспособности названного бойца подавальческого фронта к нему придается, по приказу начальника буфета, отделенный командир из взвода ссылок на объективные причины. На его обязанности лежит боевая задача доказать посетителю, что жидкий чай без сахара через полтора часа после заказа — явление законное и неминуемое в кирсановских условиях и что, если клиент возражает, то пусть делает «налево кругом» и убирается вон из буфета.

После краткого, но зловещего диалога посетитель, сле убрав ноги, радуется, что его не посадили на буфетную гауптвахту.

Л. КАРАУЛОВ

ВИЛЫ В БОК СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

Длинная и весьма непоучительная история.

В родильном доме при ж.-д. больнице ст. Алатырь, по грубейшей халатности медперсонала, перепутали детей рожениц Доморошиной и Швед, о чем узнали спустя год два месяца. Дело слушалось в нарсуде, который постановил детей переманить.

Жаль, что такого же решения суд не вынес и по отношению к администрации родильного дома. Это было бы тоже не плохо.

ЭКСТРА-ЛОЗУНГИСТЫ

Газета «За большевистские темпы» додумалась до такого боевого лозунга на второй страничке (№ 114).

Организовать колхозный актив НА ОТСТАВАНИЕ в подгтовке к севу.

Если такой газете понадобится мобилизовать актив на борь-

бу с сусликом, в ней непременно появится и такой лозунг:

— Все за суслика на борьбу с урожаем!

РЫБОЛОВНОЕ ДЕЛО

По сведениям кинопрессы,

«...Один из антеров получил от „Межрбпомфильма“ на покупку необходимых ему по характеру работы книг по рыболовному делу ДВЕ ТЫСЯЧИ РУБ.»

Отмечаем это как нередкий случай, когда и рыболовное дело легко и незаметно может перейти в судебное.

ВОПРОСЫ ДЛЯ МУЗЕЯ

В московской шестой школе Фрунзенского района, в экзаменационном вопроснике, розданном ученикам, имеется такой тонкий и глубокомысленный вопрос:

«Накую роль играет труд в очеловечивании древней обезьяны?»

Смотря по тому, какой труд. Если потраченный на составление таких вопросов, абсолютно никакой роли не играет.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
„КРОКОДИЛА“ —

ПОЧТОВЫЙ

Шлите материалы о работе аппаратов связи
(можно по почте: может быть, дойдет).

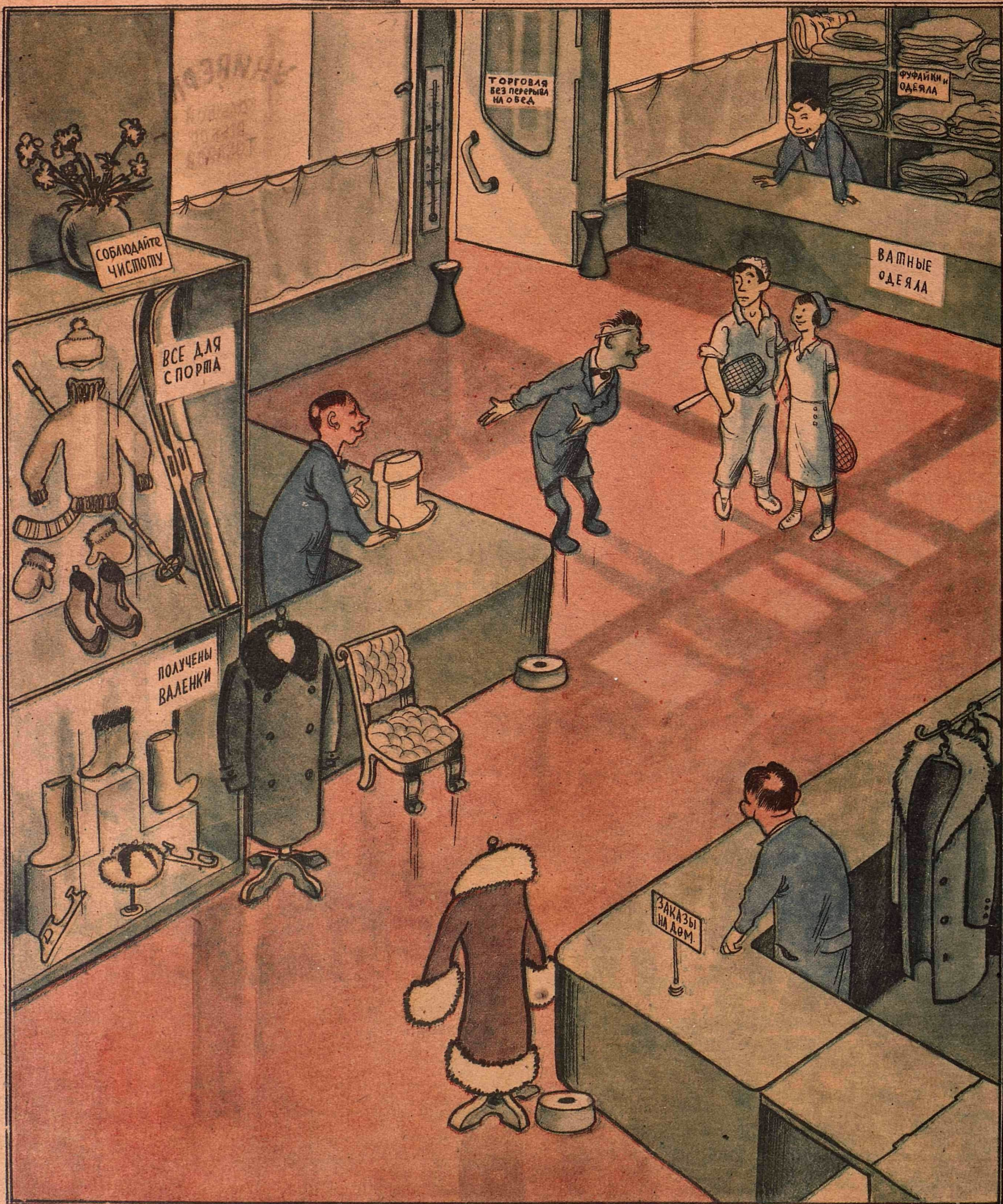
14279

АРХИВ СЕЗОННАЯ БОЛЕЗНЬ

2, 5 МАЯ 1934

Г. Ц. К. П.

Рис. М. Храпковского

— Странное дело: магазин полон товару, повсюду чистота, плевательниц сколько угодно, мягкие кресла,—а покупатель привередничает, не покупает.

14279